

Чин поставления на великое княжение Дмитрия-внука и проблема византийского идейно-политического наследия в конце XV — начале XVI в.

К числу памятников, вызывающих к себе законный интерес при изучении государственного сознания Московской Руси, принадлежит чин поставления на великое княжение Дмитрия Ивановича, внука Ивана III, в 1498 г. А. В. Горский, В. И. Савва, М. В. Шахматов, П. Ниче занимались отысканием византийского образца, использованного при создании данного памятника. Политическое значение венчания Дмитрия шапкой и бармами характеризовали В. И. Савва, У. Медлин, С. М. Каштанов, А. Л. Хорошкевич, Дж. Маджеска, П. Ниче, выраженные в чине идеи — М. В. Шахматов, У. Медлин, Я. С. Лурье, П. Ниче, Н. В. Сеницына, М. Е. Бычкова. Изучение чина послужило исследованию современных венчанию Дмитрия событий в трудах Л. В. Черепнина, А. А. Зимины, Дж. Феннела. Рукописная традиция и текстология памятника рассматривались А. А. Зиминим, Я. С. Лурье, П. Ниче, И. А. Тихонюком, Н. В. Сеницыной¹.

¹ В. И. Савва. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901, с. 121–128, 142; М. В. Шахматов. Государственно-национальные идеи «чиновных книг» венчания на царство московских государей // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1930, вып. 1, с. 247, 253, 259, 265, 267; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1951, ч. 2, с. 301, 303–304; W. Medlin. Moscow and East Rome. Genève, 1952, p. 78–79, 87; А. А. Зимин. [Рец. на кн.: П. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955] // ИА, 1956, № 3, с. 236–237; Он же. События 1499 г. и борьба политических группировок при дворе Ивана III // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 95; Он же. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982, с. 148 и сл.; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960, с. 384–386; J. Fennell. Ivan the Great of Moscow. London; New York, 1963, p. 337; С. М. Каштанов. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967, с. 89–90; P. Nitsche. Grossfürst und Thronfolger. Köln; Wien, 1972, S. 132–146; А. Л. Хорошкевич. Русско-славянские связи конца XV — начала XVI в. и их роль в становлении национального самосознания в России // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973, с. 420; Она же. Об одном из эпизодов династической борьбы в России в конце XV в. // История СССР. М., 1974, № 5, с. 136; Она же. История государственности в публицистике времен централизации // Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 119; Она же. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980, с. 102, 104; G. Majeska. The Moscow Coronation of 1498 Reconsidered // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1978, Bd. 26, H. 3, S. 357–361; И. А. Тихонюк. Чин поставления Дмитрия-внука // Русский феодальный архив [далее РФА]. М., 1987, вып. 3, с. 604–607; Н. В. Сеницына. О происхождении понятия «шапка Мономаха» (к вопросу о концепциях римско-византийского преемства в русской общественно-политической мысли XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1987.

И. А. Тихонюк выделил четыре редакции чина. Он охарактеризовал их особенности, взаимные отношения редакций. Работа И. А. Тихонюка, написанная как предисловие к публикации текстов источника, отличается краткостью и не содержит подробного обоснования выводов исследователя. Не объясняется здесь и целевое предназначение каждой редакции.

В статье Н. В. Сеницыной, где дано то же, что и у И. А. Тихонюка, деление дошедших до нас списков чина на редакции, представлена несколько отличная схема истории текста источника. Автор более подробно разбирает различия редакций, выдвигает предположения о происхождении, времени и причинах их создания, о степени достоверности некоторых сообщений.

Принимая в принципе текстологические выводы, к которым приходит Н. В. Сеницына, мы полагаем, что необходимо продолжить сравнение текстов редакций, изучение вопросов о политическом их значении, происхождении и назначении. Вопрос о соотношении редакций, вариантов и списков текста заслуживает дальнейшего исследования. Выяснение истории текста чина дает возможность видеть работу над составлением памятника в общем контексте жизни Русского государства конца XV — начала XVI в. Интересен и вопрос о том, в чем создатели чина Дмитрия следовали византийскому образцу и в чем сочли нужным внести свои поправки и дополнения. Византийский и русский чины следует сопоставить и с точки зрения характера каждого из них в целом. Этот характер в значительной мере определяется спецификой соотношения церковного и светского элементов в тексте. Не до конца выяснен пока состав источников чина Дмитрия-внука. Рассмотрению данного круга вопросов и посвящена настоящая статья.

Предложенное И. А. Тихонюком и Н. В. Сеницыной деление дошедших текстов чина венчания 1498 г. на редакции не вызывает возражений. Однако введение исследователями названия редакций не всегда удачны. Обозначение «Пространная», данное И. А. Тихонюком одной из редакций², предполагает существование некой «краткой» редакции, так что либо первая должна представлять собой распространение второй, либо вторая — сокращение первой. Но исследователь не привел необходимых текстологических обоснований того, что редакции находятся между собой в одном из этих соотношений. Мы именуем данную редакцию — по самому раннему ее списку — Погодинской (П). (Вариант «Повествовательная», предлагаемый Н. В. Сеницыной³, неудобен тем, что и другая редакция, Летописная (Л), названная так Н. В. Сеницыной и И. А. Тихонюком⁴, также является по форме повествовательной.)

Другую редакцию И. А. Тихонюк и Н. В. Сеницына называют Формулярной⁵. Но чин в этой редакции⁶ является не формуляром (куда достаточно

М., 1987; М. Е. Бычкова. Обряды венчания на престол 1498 и 1547 гг.: воплощение идеи власти государя // Cahiers du Monde russe et soviétique, 1993, XXXIV (1–2), janvier–juin, p. 246–247.

² И. А. Тихонюк. Чин поставления..., с. 604.

³ Н. В. Сеницына. О происхождении понятия..., с. 190.

⁴ Там же; И. А. Тихонюк. Чин поставления..., с. 605–606.

⁵ Н. В. Сеницына. О происхождении понятия..., с. 190; И. А. Тихонюк. Чин поставления..., с. 605.

было бы внести новые имена — и документ для новой коронации был бы готов), а, как заметил Е. В. Барсов, лишь образцом для будущего времени⁷. Династическая ситуация, сложившаяся к 1498 г., уникальна в русской истории — уникален был и чин поставления на великое княжение внука правящего государя. По наиболее раннему списку мы будем говорить о настоящей редакции как о Синодальной (С), а о другой, весьма близкой, — вслед за И. А. Тихонюком, как о Чудовской (Ч) («Формулярная II — Чудовская» у Н. В. Сеницыной).

Славянский перевод византийского чина коронации императора, лежащий в основе чина венчания Дмитрия-внука, обнаружил А. В. Горский⁸. До сих пор, однако, не делалось последовательного сопоставления чинов константинопольского и московского. Найденный А. В. Горским перевод,носящий заглавие «Молитва и провъзведение царе», опубликован Е. В. Барсовым⁹. Использованная последним рукопись (датируемая началом XV в.¹⁰), согласно вкладной записи, была дана в 1660–1661 г. патриархом Никоном в Новоиерусалимский Воскресенский монастырь¹¹. Она представляет собой архиерейский евхологий, написанный уставом на пергамене и содержащий в числе других молитвы для благословения царя и князя в различных случаях¹². Рядом со славянским текстом чина поставления василевса Е. В. Барсов приводит греческий текст, изданный в 1647 г. в Париже Я. Гоаром¹³.

Чин «в провъзведение царе» представляет собой прежде всего церковное последование. Он начинается перечислением инсигний, положенных на особом возвышении, сооруженном на амвоне храма. Следующая затем молитва патриарха (по византийскому чину) без изменений перешла в чин Дмитрия¹⁴.

После молитвы, благословив регалии (кроме венца), патриарх подавал их чиновникам императора, а в случае, если венчание совершалось над сыном, дочерью или женой императора, — самому царю, который и возлагал их на поставляемого¹⁵.

Русский чин не знает участия светских чиновников в возложении регалий на великого князя. Бармы митрополиту Симону приносили в 1498 г. два архимандрита. Митрополит передавал бармы Ивану III, и последний полагал

⁶ ЛЗАК. 1864. СПб., 1865, вып. 3, Приложения, с. 7–12; ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 32–38; РФА. М., 1987, вып. 3, с. 615–621.

⁷ ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 32.

⁸ А. В. Горский. О священнодействии венчания и помазания царей на царство // ЧОИДР, кн. 1, с. 7, 23.

⁹ Е. В. Барсов. Исторический очерк священного венчания на царство в связи с развитием идеи царя на Руси // ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 25–31 — далее: ЧОИДР, 1883, кн. 1.

¹⁰ И. А. Тихонюк. Чин поставления..., с. 605.

¹¹ ГИМ, Синодальное собр. (Син.) № 675, л. 8–11.

¹² Там же, л. 128–130, 158–159, 166–166 об.

¹³ ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 25–31.

¹⁴ Там же, с. 34; ЛЗАК. 1864. СПб., 1865, вып. 3, Приложения, с. 8–9; РФА. М., 1987, вып. 3, с. 616–617, 622. Ср.: ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 27–28. (Византийский чин сравниваем с редакциями С и Ч чина поставления Дмитрия-внука, в которых более полно, чем в других редакциях, изображены основные элементы обряда коронации 1498 г.)

¹⁵ ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 28.

их на внука¹⁶, — в этом чин поставления великого князя следует византийскому образцу. Характерное для Византии наличие двух и более императоров одновременно оказало сильное влияние на русскую традицию составления чинов венчания. Никогда после 1498 г. великие князья и цари не короновали наследников при своей жизни, но возможность этого и в дальнейшем предусматривалась чинами¹⁷.

Следующая по византийскому чину молитва — перед возложением венца¹⁸ — также вошла в состав русского обряда¹⁹. Затем в чинах идет возложение венца (шапки) императором-отцом (великим князем-дедом в чине Дмитрия-внука)²⁰. Далее в константинопольском памятнике описываются особенности коронования в случае, если венчается императрица²¹. Отсюда в чин Дмитрия перенесен обычай — первоиерарху читать поставленному на княжение поучение, как патриарх читал поучение императрице. Как в Византии нововенчанной кланялся императорский синклит²², так и в России бояре «поклонение творили» обоим великим князьям²³. Нельзя, следовательно, согласиться с Е. В. Барсовым, считавшим поучение святителя «чисто русской особенностью»²⁴.

Отметив черты, общие византийскому и русскому коронационным чинам, не можем, однако, присоединиться вполне к мнению А. В. Горского о том, что венчание Дмитрия было совершено «по древнему цареградскому чиноположению»²⁵. Из последнего не видно, какие молебны предворяли поставление, в русском же чине это — молебен Богородице и св. Петру-митрополиту²⁶, с благословения которого началось возвышение Москвы. Третья молитва митрополита в чине Дмитрия-внука, обращенная к Богородице, в византийском последовании не упоминается. В списках чина 1498 г. приводятся только начальные слова ее²⁷. Содержание этой молитвы известно по позднейшим чинам венчания — царским²⁸. Молитва Божией Матери не была, в отличие от двух первых молитв, предназначена специально для произнесения при поставлении государя, но чи-

¹⁶ ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 34–35; ЛЗАК. 1864. СПб., 1865, вып. 3, Приложения, с. 9; РФА. М., 1987, вып. 3, с. 617, 622–623.

¹⁷ Там же, с. 42–90; СГГД. М., 1819, ч. 2, с. 72–85 (чины поставления Ивана IV и царя Федора Ивановича).

¹⁸ Там же, с. 28–29.

¹⁹ Там же, с. 35; ЛЗАК. 1864. СПб., 1865, вып. 3, Приложения, с. 9; РФА. М., 1987, вып. 3, с. 617, 623.

²⁰ Там же. Ср.: ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 29.

²¹ ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 31.

²² Там же.

²³ Там же, с. 36; ЛЗАК. 1864. СПб., 1865, вып. 3, Приложения, с. 10; РФА. М., 1987, вып. 3, с. 619, 624.

²⁴ ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 29.

²⁵ Там же, с. 23.

²⁶ ЛЗАК. 1864. СПб., 1865, вып. 3, Приложения, с. 7; ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 33; РФА. М., 1987, вып. 3, с. 615, 621.

²⁷ ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 35; РФА. М., 1987, вып. 3, с. 611, 623; СГГД. М., 1819, ч. 2, с. 28; ПСРЛ, т. 8, с. 235 и др.

²⁸ ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 53–54; СГГД. М., 1819, ч. 2, с. 78–79; ДАИ. СПб., 1846, т. 1, с. 243 (чины поставления Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова).

талась на всякой литии во время всенощного бдения. Это видно из последования литии, помещенного в евхологии начала XVI в.²⁹ Датируем его 1505–1516 гг., поскольку последним среди покойных великих князей упоминается Иван III, а из новгородских архиепископов — Геннадий, умерший в 1505 г.³⁰, тогда как следующий владыка новгородский Серапион, умерший в 1516 г.³¹, здесь не назван.

Византийский коронационный чин не знает и политических деклараций, подобных речи, с которой обратился Иван III к митрополиту Симону перед венчанием внука, обосновывая правомерность наследования престола по принципу первородства³². Этой речью в церковный чин вводился элемент светской инвеституры великого князя. В Византии светский церемониал в общем составе коронационного обряда принимал другие формы (провозглашение императора войсками и димами, поднятие его на щите) и, хотя в IV — первой половине V в. имел исключительное значение, постепенно уступал место патриаршему благословению, которое с начала VII в. стало основным в венчании василевса³³. В России светский элемент играл подчиненную роль с самого начала; в той форме, которая была для него найдена (речь государя к первоиерарху), он совершенно не выделялся из церковного последования.

К речи Ивана III в ряду новшеств, появившихся в русском чине по сравнению с византийским, примыкает поучение великого князя внуку; самым фактом произнесения этого поучения подтверждалось первенствующее положение государя по отношению к Дмитрию. Обычай, согласно которому отец (в данном случае дед) обращался к сыну (внуку) с поучением, мог быть заимствован из свадебного обряда. Так, судя по пространной редакции разрядных книг, на свадьбе Ивана IV в 1547 г. у царя «в отцово место» был брат Юрий Васильевич, от имени которого Ивану была передана короткая речь, построенная по той же схеме, что и поучение Ивана III внуку в 1498 г.: обращение-объявление о совершившемся по Божией воле событии (бракосочетании или благословении на великое княжение) — краткое наставление³⁴.

К числу русских нововведений принадлежит и то, что новопоставленный «знаменался» у гробов предков. Для этого Дмитрий-внук ходил после поставления в Архангельский и Благовещенский соборы. При выходе из храмов Дмитрия каждый раз осыпал золотыми и серебряными деньгами сын

²⁹ РГАДА, ф. 181. Рукоп. собр. библиотеки МГАМИД, № 818, л. 225–226 об.

³⁰ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988, вып. 2, ч. 1, с. 145.

³¹ Там же. Л., 1989, вып. 2, ч. 2, с. 319.

³² ЛЗАК. 1864. СПб., 1865, вып. 3, Приложения, с. 7–8; ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 33–34; РФА. М., 1987, вып. 3, с. 615, 621–622.

³³ Г. А. Острогорский. Эволюция византийского обряда коронования // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура. М., 1973, с. 33, 40.

³⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977, т. 1, ч. 2, с. 323; Ср.: Продолжение ДРВ. СПб., 1788, ч. 4, с. 221–222; СГГД. М., 1819, ч. 2, с. 29; ЛЗАК. 1864, СПб., 1865, вып. 3, Приложения, с. 16; РФА. М., 1987, вып. 3, с. 612; ПСРЛ, т. 6, с. 242; т. 8, с. 236; т. 12, с. 248; т. 20, ч. 1, с. 368; т. 28, с. 331; Иоасафовская летопись. М., 1957, с. 137.

Ивана III Юрий³⁵. (Он исполнял роль старшего сына вместо находившегося в опале Василия III.)

А. В. Горский предположил, что хождением к родительским гробам заменялся у нас византийский обряд вручения «акакии» (мешочка с землей, служившего напоминанием о тленности всего земного)³⁶. Однако упомянутый византийский чин «в провъзведение царе» не содержит упоминания о вручении акакии. Правда, в России известен был рассказ иеродиакона Игнатия, участника поездки в Константинополь митрополита Пимена и сопровождавших его лиц (1389–1393), о коронации в 1391 г. императора Мануила II³⁷. Как передает автор рассказа, после коронации к императору подошли «мраморницы и гробоздателие» и, показав царю «мраморие и каменеие от различных разных лиц», спросили: «Которым лицам велит держава твоя быти гробу твоему?» — и напомнили: «Человек еси смертен и тленен... пещыся своею душою и благочестно царство строй; елико убо велик еси, толико смиряй себе...» и т. д.³⁸.

В этом эпизоде выражена та же идея, которую имел в виду А. В. Горский. Однако, как напомнил Г. П. Георгиевский, русские государи при всяком важном деле ходили поклониться гробам предков³⁹. Поэтому обращение к византийскому обряду вручения акакии для объяснения того, отчего Дмитрий-внук ходил в Архангельский и Благовещенский соборы, представляется излишним. Что касается осыпания деньгами, то здесь, видимо, прав Дж. Маджеска⁴⁰, который полагает, что в данном случае сочинение Игнатия, где говорилось об осыпании византийского императора золотыми монетами⁴¹, оказало влияние на чин Дмитрия-внука. Как отметил исследователь, подобного обряда в Византии не было; русский путешественник передал лишь собственное неверное впечатление от обычая по случаю коронации бросать деньги в народ⁴². Этот обычай, существовавший в XIV в., описан Иоанном VI Кантакузином, а также неизвестным автором сочинения «Об обычаях константинопольского двора и обрядах Великой церкви» (Псевдо-Кодин, XIV в.). Согласно Кантакузину, при выходе императора из храма после коронации один из синклитиков бросал в народ эпикомвии (кусочки материи, в которые было завернуто несколько монет); на другой день сам император бросал золотые монеты воинам и приближенным⁴³. Псевдо-Кодин сообщает, что эпикомвии бросали в

³⁵ ЛЗАК. 1864. СПб., 1865, вып. 3, Приложения, с. 11; ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 37; РФА. М., 1987, вып. 3, с. 612.

³⁶ ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 31. Об «акакии» см. также: P. D. Whitting. Byzantine Coins. New York, 1973, p. 296.

³⁷ ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 19–24.

³⁸ Там же, с. 23–24.

³⁹ Г. П. Георгиевский. Коронавание русских государей: (Исторический очерк) // Русское обозрение. М., 1895, т. 36, с. 239.

⁴⁰ G. Majeska. The Moscow Coronation..., S. 356.

⁴¹ См.: ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 23–24.

⁴² G. Majeska. The Moscow Coronation..., S. 357.

⁴³ Перевод описания коронации из сочинения Кантакузина см.: В. И. Савва. Московские цари..., с. 141.

народ перед выходом василевса из церкви после вручения им патриарху собственноручно написанного исповедания веры, т. е. еще до коронавания. Рассыпание эпикомвий одним из вельмож в присутствии императора повторялось и на следующий день. В третий день после коронации сам император бросал золотые монеты вельможам и служителям⁴⁴.

Одной из первоначальных редакций чина поставления Дмитрия, как установила Н. В. Сеницына⁴⁵, является П. К числу известных списков этой редакции⁴⁶ нужно добавить любезно указанный нам Л. М. Костюхиной чин в рукописи, содержащей богослужебный устав св. Саввы Освященного, последования из миней и триодей, Номоканон и др. Согласно одной из надписей в этом сборнике, книга списана в 1629 г. в вотчине боярина князя Ивана Борисовича Черкасского селе Павлове и вложена в церковь Воскресения⁴⁷. Письмо сборника — полуустав, заголовки частично выполнены вязью. Список чина великокняжеского поставления здесь крайне неисправен, хотя и основан на полном тексте, имеющем законченное известие об обращении Ивана III с речью к племянникам Федору и Ивану (сыновьям князя Бориса Васильевича Волоцкого) и посылке гонцов в Рязань, Псков и Новгород и посла в Казань с сообщением о благословении внука великим княжением⁴⁸.

И. А. Тихонюк обоснованно полагает, что данная редакция представляет собой запись, произведенную по следам церемонии на основании исходных материалов, которыми руководствовались во время коронации⁴⁹. Отмеченная Н. В. Сеницыной максимальная благожелательность в отношении Дмитрия, выраженная перечислением четырех пожалованных ему княжеств (чего нет в других редакциях)⁵⁰, сочетается здесь и с беспристрастным изображением таких деталей, которые символизировали политическую зависимость нового (младшего) великого князя от старшего (таковы поклоны Дмитрия князю-деду)⁵¹. Последнее обстоятельство не позволяет безоговорочно присоединиться к мнению Н. В. Сеницыной о создании П в крутах, относившихся к «партии» Дмитрия и его матери Елены⁵².

П. Ниче редакцию П считает малодостоверной⁵³, поскольку, во-первых, она представлена довольно поздними списками (начиная с середины

⁴⁴ Оригинал и перевод на церковнославянский язык конца XVII в. главы 17 трактата Псевдо-Кодина опубликованы Е. В. Барсовым (см.: ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 4).

⁴⁵ Н. В. Сеницына. О происхождении понятия..., с. 191–192, 194.

⁴⁶ ЛЗАК. 1864. СПб., 1865, вып. 3, Приложения, с. 12–17; РФА. М., 1987, вып. 3, с. 608–614.

⁴⁷ ГИМ, собр. Вострякова, № 828, л. 8–31, 370 об.

⁴⁸ Там же, л. 372.

⁴⁹ И. А. Тихонюк. Чин поставления..., с. 604.

⁵⁰ Н. В. Сеницына. О происхождении понятия..., с. 192.

⁵¹ ЛЗАК. 1864. СПб., 1865, вып. 3, Приложения, с. 14–15; РФА. М., 1987, вып. 3, с. 610–611. До возложения регалий это земной поклон, при возложении — два поясных поклона, после многолетия Ивану III — снова земной поклон: венчание шапкой и бармами повышает статус Дмитрия, но лишь отчасти.

⁵² Н. В. Сеницына. О происхождении понятия..., с. 192, 194.

⁵³ P. Nitsche. Grossfürst..., S. 133–134.

XVI в.⁵⁴) и, во-вторых, обращение Ивана III к племянникам, читающееся только здесь, совпадает с речью государя к митрополиту и обрывается (в Погодинском списке) как раз на тех словах, за которыми в речи к митрополиту следовал призыв благословить внука на великое княжение (повторить тот же призыв в обращении к князьям Волоцкому и Рузскому было бы уже неуместно). Последний аргумент устраняется опубликованием Музейного списка, где обращение к племянникам доведено до конца и завершается вполне уместным призывом быть послушными Дмитрию Ивановичу как самому государю⁵⁵. Относительно позднее создание списков данной редакции само по себе не может, на наш взгляд, служить доводом против их достоверности, к тому же П. Ниче и не показывает, в чем заключалось искажение текста с течением времени.

Назначением П было, видимо, служить своего рода исторической справкой, т. к. руководствоваться данным текстом при совершении самого обряда было бы затруднительно: как отметила Н. В. Сеницына, из главных молитв здесь приведены лишь начальные слова и возгласы⁵⁶. Читаемое только здесь обращение Ивана III к волоцкому и рузскому князьям наводит на мысль, не был ли памятник написан кем-то из старцев обители Иосифа Волоцкого (присутствие самого волоколамского игумена на поставлении Дмитрия-внука нигде не отмечено). Такое предположение могло бы объяснить интерес составителя текста к словам великого князя, адресованным младшим удельным родичам, а также и самое знакомство автора источника с указанным обращением, которое, возможно, было произнесено не в ходе официальной церемонии, а в какое-то другое время, например, на данном государем по случаю торжества пире⁵⁷. Достоинство внимания и описание в П некоторых богослужебных подробностей (при полном почти отсутствии главных молитв). Можно думать, что автора занимало, например, как следует поминать в ектении Ивана III и его внука, когда оба они были великими князьями «всая Руси»; понятен интерес к этому, если согласиться с высказанным предположением о происхождении составителя, — ясно и то, почему последний не имел в виду создать документ, которым можно было бы воспользоваться при совершении коронаций в будущем. В провинциальном монастыре, еще не пользовавшемся расположением московской власти, едва ли нужно было заботиться о чем-то подобном.

Редакция С представлена, прежде всего, Синодальным списком, который находится, как установил И. А. Тихонюк, на листах вставной пергаменной тетради, датированной А. И. Плигузовым 20-ми годами XVI в.⁵⁸. Памятник, озаглавленный «Чин поставления на великое княжество», расположен не-

⁵⁴ Об этом см.: Н. В. Сеницына. О происхождении понятия..., с. 190; И. А. Тихонюк. Чин поставления..., с. 605.

⁵⁵ РФА. М., 1987, вып. 3, с. 614.

⁵⁶ Н. В. Сеницына. О происхождении понятия..., с. 194.

⁵⁷ О «сотворении» пира см.: ПСРЛ, т. 12, с. 263. Обращение к волоцким князьям в П стоит особняком, не увязывается с каким-либо определенным моментом чина.

⁵⁸ См.: И. А. Тихонюк. Чин поставления..., с. 605; ГИМ, Син. № 675, л. 143 об.—150 об.; список опубликован: РФА. М., 1987, вып. 3, с. 615–620.

посредственно перед «молитвой в провъзведение царе»⁵⁹, изданной в свое время Е. В. Барсовым⁶⁰. Создание Синодального списка нам кажется возможным связывать с состоявшимся 21 января 1526 г. бракосочетанием Василия III и Елены Глинской⁶¹. Надежде на рождение наследника и мог быть обязан своим появлением новый список чина поставления Дмитрия.

Буквальное сходство с Синодальным списком, отмеченное еще Е. В. Барсовым⁶², имеет Софийский⁶³. В последнем отсутствует текст ектении (после возложения шапки на Дмитрия), где внук лишний раз должен был упоминаться с великокняжеским титулом. В заключении, где кратко сообщается о факте поставления Дмитрия и перечисляются участвовавшие в церемонии духовные лица, внук Ивана III не назван, в отличие от аналогичной части Синодального списка, «возлюбленным господином и сыном» митрополита⁶⁴. Рукопись датируется И. А. Тихонюком серединой XVI в., Н. В. Сеницыной — второй четвертью XVI в.⁶⁵. Возможно, составитель текста Софийского списка испытывал меньшее желание возвысить фигуру Дмитрия, чем создатель Синодального. Между тем, Синодальный список мог послужить для Софийского непосредственным протографом. Различия этих двух списков могут быть поняты как сокращение или искажение первого сравнительно со вторым:

Синодальный список

И великому князю в ту пору
говорити своя речи...
поклони выю с нами
удръжави того царство
възсяи в днехъ его правду
и Тебе славу възсылаем, Отцю
и Сыну...

Софийский список

И великому князю в ту пору внуку⁶⁶
говорити своя речи...
поклони выю сами⁶⁷
удръжави царство
возсях в днех его правду
и Тебе славу всы (...)

⁵⁹ ГИМ, Син. № 675, л. 154.

⁶⁰ ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 25–31.

⁶¹ Об этом браке Василия III подробнее см.: А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 295–296.

⁶² ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 32.

⁶³ РНБ, Софийское собр., № 1454 (см.: И. А. Тихонюк. Чин поставления..., с. 605). Публикация списка: ЛЗАК. 1864. СПб., 1865, вып. 3, Приложения, с. 12–17.

⁶⁴ ЧОИДР, 1883, кн. 1 с. 38. Ср.: ЛЗАК. 1864. СПб., 1865, вып. 3, приложения, с. 12.

⁶⁵ И. А. Тихонюк. Чин поставления..., с. 605; Н. В. Сеницына. О происхождении понятия..., с. 190.

⁶⁶ Ошибка переписчика: имеется в виду речь Ивана III, а не Дмитрия (поэтому нельзя понимать «великому князю... внуку»), и обращена она не к внуку, а к митрополиту (поэтому нельзя понимать «...внуку говорити»). Переписчик, скорее всего, имел в виду первое, т. е. что великий князь-внук обращается к митрополиту. Может быть, ошибка вызвана знакомством переписчика с обрядом коронации Ивана IV в 1547 г., когда была предусмотрена речь поставляемого на царство к митрополиту (см. чин венчания на царство Ивана IV: ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 48).

⁶⁷ Позднее над строкой вставлено «н» (РФА. М., 1987, вып. 3, с. 617).

И потом священники в олтаре
великому князю поют многолетие.
И потом на правом крылосе диаки поют
великому князю многолетие же.
И потом на левом крылосе диаки
поют многолетие же...

И потом священники в олтаре
и диаки на правом крылосе
и на левом поют великому князю
Ивану многолетие же...

И тут его на мосту осыпати
денгами и сребренными трижды⁶⁸

И туто его на мосту осыпати
деньгами сребренными трижды⁶⁹

(в последнем случае в Синодальном списке перед «и», видимо, пропущено «златыми», в Софийском же исчез и союз «и», хотя ниже в обоих списках читается: «осыпати деньгами златыми и сребрянными»).

Редакция Ч представлена списком в рукописи, написанной, по заключению Т. А. Сумниковой, в 1540 г., предположительно в московском Чудове монастыре⁷⁰. В конце этого списка находятся слова: «И, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго Варлаама. Аминь»⁷¹. Это вовсе не обязательно является подписью составителя чина, как предполагал М. Н. Сперанский⁷². Перед нами обычная приписка, которую мог оставить либо писец Чудовского сборника, либо переписчик текста чина, с которого впоследствии был сделан сборник в Чудовскую рукопись.

А. А. Зимин атрибутировал приписку к Чудовскому списку будущему (с 1511 г.) митрополиту Варлааму. Но ученый не привел иных обоснований своего тезиса, кроме отмеченной им близости Варлаама к В. И. Патрикееву, который, в свою очередь, принадлежал к ближайшему окружению Дмитрия-внука⁷³. Варлаам только в 1505 г. стал архимандритом Симонова монастыря⁷⁴, а до этого был, вероятно, иноком Кирилло-Белозерского монастыря⁷⁵. Нам неизвестно о каком-либо участии Варлаама в обряде венчания Дмитрия-внука (участие будущего митрополита в этой коронации или от-

⁶⁸ РФА. М., 1987, вып. 3, с. 615–619.

⁶⁹ Там же; ЛЗАК. 1864. СПб., 1865, вып. 3, Приложения, с. 7–11.

⁷⁰ Т. А. Сумникова. Чудовский сборник XVI в.: (Палеогр. и фонет. описание рукописи Чудовского сб. № 264) // Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960, с. 126, 129; публикация Ч: РФА. М., 1987, вып. 3, с. 621–625.

⁷¹ ГИМ, Чудовское собр. № 264, л. 740 об.

⁷² См. замечание М. Н. Сперанского в публикации: Библиографические материалы А. Н. Попова // ЧОИДР, 1889, кн. 3, с. 86.

⁷³ А. А. Зимин. [Рец. на кн.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955], с. 237; Он же. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982, с. 157.

⁷⁴ П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской Церкви. СПб., 1877, стб. 150.

⁷⁵ См.: Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897, с. XXXVI, XLI; Он же. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI веках и в начале XVII // Христианское чтение, 1907, т. 224, август, с. 189. Ср.: А. А. Зимин. [Коммент. к посланиям Иосифа Волоцкого] // Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959, с. 279; Он же. Россия на пороге нового времени..., с. 133.

сутствие на ней делало бы более вероятным создание им одной из редакций чина венчания). Варлаам не назван и в самом подробном перечне присутствовавших при поставлении Дмитрия, где упомянуты не только настоятели монастырей, но и некоторые старцы⁷⁶.

А. А. Зимин, конечно, не имел в виду, что собственно Чудовский список чина, и, следовательно, весь Чудовский сборник переписаны бывшим митрополитом Варлаамом, о судьбе которого после удаления 17 или 18 декабря 1521 г. с митрополии и ссылки достоверно ничего не известно⁷⁷. Очевидно, А. А. Зимин утверждал, что Варлаам до 17–18 декабря 1521 г. или составил текст списка, скопированного позднее писцом Чудовского сборника, или только переписал в свое время этот текст, или, наконец, лишь сделал к этому тексту приписку. К сожалению, обосновать любое из этих предположений трудно.

Редакция Л представлена списком, опубликованным в «Продолжении Древней Российской Вивлиофики»⁷⁸ (этот же, по-видимому, список был издан и в 1819 г.⁷⁹), и описаниями венчания Дмитрия в летописном своде 1518 г. (Софийская II, Львовская и Уваровская летописи), а также в Иоасафовской Воскресенской и Никоновской летописях⁸⁰.

Следует выяснить отношение, в котором список ДРВ–СГГД стоит к летописным описаниям венчания Дмитрия на великое княжение. Отметим важнейшие расхождения указанного списка с наиболее близкой к нему Воскресенской летописью (значительные разночтения Воскресенской летописи с другими летописями приводятся):

Воскресенская летопись

Тое же зимы⁸¹, февраля 4, в неделю князь велики Иван Васильевич всеа Руси

Список СГГД

⁸² Князь великии Иван Васильевич всеа Руси по благословению Симона, митрополита всеа Руси, и архиепископа Ростовского Тихона, и епископов: Нифонта Суздальского, Васияна Тверскаго, Протасия Резанского, Аврамия Коломенскаго,

⁷⁶ ПСРЛ, т. 22, ч. 1, с. 513.

⁷⁷ Об отстранении и ссылке митрополита см.: ПСРЛ, т. 6, с. 264; С. Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988, с. 89; Е. Е. Голубинский. История русской Церкви. М., 1900, т. 2, ч. 1, с. 698.

⁷⁸ СПб., 1788, ч. 4, с. 214–222.

⁷⁹ СГГД. М., 1819, ч. 2, с. 27–29. Сохранился список начала XIX в. с того же текста, по которому издан чин в СГГД (РГАДА, ф. 197; А. Ф. Малиновский. Портфель 2, № 31, л. 1–3 об.). Некоторые различия между публикациями в Прод. ДРВ и СГГД, возможно, объясняются неточностью в передаче текста, допущенной при публикации списка в обоих изданиях.

⁸⁰ ПСРЛ, т. 6, с. 241–243; т. 8, с. 234–236; т. 12, с. 246–248; т. 20, ч. 1, с. 366–368; т. 28, с. 330–331; Иоасафовская летопись. М., 1957, с. 134–137.

⁸¹ 7006 г.

⁸² В Прод. ДРВ текст начинается со слов: «В лето 7006 февраля в 4 день, в неделю о мытари и фарисее» (с. 214–215). Возможно, в СГГД эти слова опущены в связи с тем, что дата («1498, февраля 4») приведена в археографическом заголовке (с. 27).

благословил
и посадил на великое княжение
Володимерское и Московское
всеа Руси внука своего князя
Дмитрея Ивановича.

Ефимия Сарского — и всего
священанаго собора, благословил
и посадил на великое княжение
Володимерское и Московское и
всеа Руси внука своего князя
Дмитрея Ивановича.

А посажение его
баше в церкви Пречистыа на Москве,
по благословению Симона, митрополита
всеа Руси, и архиепископа Тихона
Ростовскаго, и епископа Нифонта
Суздальскаго, Васиана Тверскаго,
Протасиа Рязанскаго, Авраамиа
Коломенскаго, Еуфимиа Сарскаго и
всеа освященанаго собора: ⁸³възложи на
него бармы и Манамахову шапку⁸³, и
осыпа его князь Юрии Ивановичь, дядя
его, златом и серебром трижды: перед
Пречистою, и перед Архангелом, и перед
Благовещением. В лето 7006 февраля 4, в
неделю о мыгтари и фарисеи, се бысть.

Среди церкви уготовиша
место болшее...

Бысть же посажение его сице:
в Пречистой среди церкви уготовиша
место болшее...

...и покажи того ⁸⁴о нас⁸⁴
хранителя святыа Твоеа
съборныа Церкви веления их...

...и покажи того
хранителя святыа Твоеа
соборныа Церкви веления их...

удержави того царство...

удержи того царство...

възсиаи в днеш его правду...

восия во днеш его правду...

и ту его осыпал денгами златыми и
сребрянными 3-жды великаго князя сын
князь Юрии...⁸⁵

и тут его осыпал денгами златыми и
сребрянными трижды дядя его князь
Юрьи Васильевичь...⁸⁶

⁸³⁻⁸³ В Софийской П (ПСРЛ, т. 6, с. 241), Львовской (т. 20, ч. 1, с. 366), Уваровской (т. 28, с. 330) и Иоасафовской (с. 135) летописях — «возложи на него бармы Манамаховы и шапку». В Никоновской летописи (т. 12, с. 246) — «Возложиша на него бармы Манамаховы и шапку».

⁸⁴⁻⁸⁴ Так в Парижском (XVI в.) и Карамзинском (XVII в.) списках Воскресенской летописи, в Софийской П (ПСРЛ, т. 6, с. 242) и Львовской (т. 20, ч. 1, с. 367) летописях; в Синодальном (XVI в.) списке Воскресенской летописи и в Уваровской летописи (т. 28, с. 330) — «она»; в Никоновской (т. 12, с. 247) и Иоасафовской (с. 136) летописях — «опасна».

⁸⁵ ПСРЛ, т. 8, с. 234–236.

Таким образом, текст в Продолжении ДРВ и СГГД — это особый вариант текста внутри Л.

И. А. Тихонюк пишет, что «первая публикация чина как самостоятельного памятника... была осуществлена по тексту Летописной редакции» в Продолжении ДРВ, и «эта же редакция была использована и при издании текста в СГГД»; под Летописной редакцией исследователь понимает только описания коронации в летописях⁸⁷ и, таким образом, по-видимому, считает список ДРВ-СГГД выпиской из летописи, сделанной издателями⁸⁸. Однако ни в одной из летописей не находим чина с приведенными выше особенностями. Начальная часть текста во всех указанных летописях до слов «и осыпа его князь Юрий Ивановичь... и перед Благовещением» включительно, как отметила Н. В. Сеницына, — это самостоятельное летописное известие о венчании 1498 г.⁸⁹ После цитированных слов в каждой из летописей повторяется запись, содержащая дату поставления Дмитрия-внука (эта запись имеется также в самом начале летописного известия). Далее, начиная со слов: «Среди церкви уготовиша место большее», — передается текст чина венчания на великое княжение редакции Л. Этот чин, как определила Н. В. Сеницына, является самостоятельным памятником, включенным в летопись⁹⁰.

Источником для чина в летописях едва ли можно признать текст, читаемый в списке ДРВ-СГГД. Находящиеся в летописном чине слова «о нас» или «она» (в прошении «и покажи того о нас/она хранителя...») в списке ДРВ-СГГД отсутствуют. Если бы составитель летописного текста пользовался именно этим списком, он не стал бы вставлять в приведенное нами выражение слова «о нас» («она»), т. к. значение их было неясно — отсюда и разночтения. Правильным является вариант Иоасафовской и Никоновской летописей — «опасна»; такое чтение согласно с С и с византийским чином «в провъзведение царе»⁹¹. Чтения «о нас» и «она» — не произвольные вставки, а искажения варианта «опасна». Кроме того, в тексте, опубликованном в Продолжении ДРВ и СГГД, осыпавший Дмитрия деньгами дядя ошибочно назван Юрием Васильевичем, тогда как все летописи, содержащие чин, знают, что имя этого дяди было Юрий Иванович. Поскольку ошибка не вкралась ни в одну из летописей, можно предположить, что текст или тексты чина венчания Дмитрия, положенные в основу летописных сообщений о коронации 1498 г., правильно именовали дядю венчаемого.

Из летописей к списку ДРВ-СГГД, как уже сказано, ближе всего Воскресенская. Если в других летописях, а также в С и Ч одно из прошений в первой молитве митрополита читается «да судя люди Твоя правдою и нищих Твоих судом», то в Воскресенской летописи и в списке ДРВ-СГГД слово

⁸⁶ СГГД. М., 1819, ч. 2, с. 27–29.

⁸⁷ И. А. Тихонюк. Чин поставления..., с. 607.

⁸⁸ Н. В. Сеницына о списке, опубликованном в Прод. ДРВ и СГГД, не упоминает (с. 190).

⁸⁹ Н. В. Сеницына. О происхождении понятия..., с. 195.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ ЛЗАК. 1864. СПб., 1865, вып. 3, Приложения, с. 8; ЧОИДР, 1883, кн. 1, 28, 34; РФА. М., 1987, вып. 3, с. 616.

«судом» отсутствует. В отличие от прочих летописей, а равно С и Ч, Воскресенская и список ДРВ-СГГД говорят о многолетии одному Дмитрию (после возложения шапки и молитвы Богоматери), опуская многолетие Ивану III⁹². Вероятно, что Воскресенская летопись и список ДРВ-СГГД восходят к общему источнику. Считать список ДРВ-СГГД прямым извлечением из Воскресенской летописи трудно потому, что в кратком сообщении о поставлении Дмитрия, предваряющем в указанной летописи самый чин, дядя князя правильно назван по имени и отчеству Юрием Ивановичем⁹³, а в списке ДРВ-СГГД — Юрием Васильевичем. Эта ошибка позволяет предположить, что список ДРВ-СГГД был сделан спустя довольно много времени после 1498 г., может быть — в связи с подготовкой царского венчания Ивана IV в конце 1546 — начале 1547 г., когда осыпать государя деньгами должен был его брат Юрий Васильевич, к тому же одного из дядьев великого князя — Ю. В. Глинского — звали точно так же (другой царский дядя — М. В. Глинский — сам участвовал в церемониале коронации 1547 г.)⁹⁴.

Можно предположить, что первоначальную основу Л составили общий протограф списка ДРВ-СГГД и Воскресенской летописи, а также близкий к этому протографу по существу текст, послуживший источником изложения чина в других летописях. Вполне вероятно, следовательно, что чин редакции Л был самостоятельным памятником, возникшим прежде создания летописного свода 1518 г. (с которым связывают возникновение летописной редакции И. А. Тихонюк и Н. В. Сеницына)⁹⁵.

Если чин редакции С мыслился в качестве образца для будущих поставлений, то составитель Л такой цели не ставил: ведь в Л обряд предстает в значительно сокращенном виде. Текст Л — историческая справка, как и П, но, вероятно, более официального характера, — своего рода государственное предание (лишь здесь Иван III, как отметила Н. В. Сеницына, именуется не только самодержцем «всёя Руси», но и православным царем)⁹⁶.

Как показала Н. В. Сеницына, сходство между П и С часто приближается к буквальному. Н. В. Сеницына считает П «литературной обработкой»⁹⁷, но не уточняет, что именно подвергалось обработке: первоначальный чин, составленный перед поставлением Дмитрия-внука (не дошедший до нас), или С.

И. А. Тихонюк, упоминающий о существовании «исходных материалов, которыми руководствовались во время обряда», говорит, однако, только о связи их с П. Редакция С, по мнению исследователя, создана на основе П,

⁹² Продолжение ДРВ, СПб., 1788, ч. 4, с. 218, 220; СГГД, М., 1819, ч. 2, с. 28–29; ПСРЛ, т. 8, с. 235. Ср.: ПСРЛ, т. 6, с. 242; т. 12, с. 247–248; т. 20, ч. 1, с. 367; т. 28, с. 331; Иоасафовская летопись, М., 1957, с. 136.

⁹³ В самом чине здесь и вообще в Л, а также в П и С отчество не указывается.

⁹⁴ СГГД, М., 1819, ч. 2, с. 43.

⁹⁵ И. А. Тихонюк. Чин поставления..., с. 606–607; Н. В. Сеницына. О происхождении понятия..., с. 190, 195.

⁹⁶ Н. В. Сеницына. О происхождении понятия..., с. 195.

⁹⁷ Там же, с. 193–194.

главным образом путем сокращения, а также восполнения текстов молитв⁹⁸. Но последнее обстоятельство указывает как раз на то, что при составлении С пришлось обратиться именно к чину в первоначальном виде, — ведь для церковного последования основным элементом были молитвы, которых не приводит П. Что касается редакции П, то из общего порядка изложения в ее тексте, выдержанного в прошедшем времени, выделяются места, грамматически идентичные Синодальному тексту, то есть сохраняющие настоящее время: «И глаголет митрополит сию молитву...», «И митрополит глаголеть», «И по октень глаголет митрополит молитву...», «И возшед на амбон, священник... глаголеть велигласно многолетье...», «Митрополит говорит...»⁹⁹. Все эти фразы заимствованы непосредственно из первоначального чина, который и явился протографом не только для П, но и для С.

К этому же протографу восходит, вероятно, и Л. Н. В. Сеницына высказывается об отношении Л к С несколько неопределенно, отмечая только, что редакция Л создавалась в целом на основе текста, близкого к С¹⁰⁰. Неясно, к какой стадии в истории текста принадлежал, по мнению Н. В. Сеницыной, этот предполагаемый протограф Летописной редакции. И. А. Тихонюк источником Л считает С, хотя и в списке, более близком к протографу С, нежели сохранившиеся памятники¹⁰¹. Но протограф этот — чин, составленный непосредственно для поставления Дмитрия, — мог в равной степени послужить оригиналом для всех трех дошедших до нас редакций (только Ч создана на основе С), и нет твердых оснований указывать на С как на посредствующее звено между чином в первоначальном виде и Л. Наше возражение поддерживается тем обстоятельством, что в Л, как отметила Н. В. Сеницына, текст второй молитвы митрополита отличается от текста С¹⁰². Н. В. Сеницына думает, что эта молитва заимствована из другого источника, тогда как основа Л близка к С¹⁰³. Но для чего было при составлении вторичного текста Л, имевшего только справочное и, так сказать, идеологическое значение, один перевод греческой молитвы («Тебе, единому Царю веком, иже земное царство Тобою въверены...») специально заменять на другой, близкий («Господи Боже Вседержителю, Царю веком, иже земныи человек, Тобою царем сотворенны...») ¹⁰⁴? Такое же недоумение может вызвать и то, что лишь в Л дошло описание двух моментов обряда, о которых не сказано в других источниках: первая молитва произносилась с возложением руки

⁹⁸ И. А. Тихонюк. Чин поставления..., с. 604–605.

⁹⁹ РФЛ. М., 1987, вып. 3, с. 610–612; ЛЗАК. 1864. СПб., 1865, вып. 3, Приложения, с. 14–15. Ср.: ЛЗАК. 1864. СПб., 1865, вып. 3, Приложения, с. 8–11; ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 33–36; РФЛ. М., 1987, вып. 3, с. 616–619.

¹⁰⁰ Н. В. Сеницына. О происхождении понятия..., с. 194.

¹⁰¹ И. А. Тихонюк. Чин поставления..., с. 607.

¹⁰² Н. В. Сеницына. О происхождении понятия..., с. 195.

¹⁰³ Там же, с. 192–194.

¹⁰⁴ РФЛ. М., 1987, вып. 3, с. 617; ЛЗАК. 1864. СПб., 1865, вып. 3, Приложения, с. 9; ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 35. Ср.: ПСРЛ, т. 6, с. 242; т. 8, с. 235; т. 12, с. 247; т. 20, ч. 1, с. 367; т. 28, с. 331; Иоасафская летопись. М., 1957, с. 136; Продолжение ДРВ. СПб., 1788, ч. 4, с. 219; СГД. М., 1819, ч. 2, с. 28.

митрополита на голову Дмитрия, а вторая читалась «втай»¹⁰⁵. Следует предположить, что в основе Л в целом лежит несколько отличный от других редакций вариант первоначального чина, предназначавшегося непосредственно для поставления Дмитрия; как раз при подготовке венчания на великое княжение могли явиться различные версии перевода и самого порядка поставления.

И. А. Тихонюк и Н. В. Сеницына обоснованно датируют П временем ок. 1498 г.; С, по мнению первого исследователя, создана, вероятнее всего, в 1509 г. — втором десятилетии XVI в., т. е. после смерти Дмитрия-внука (14 февраля 1509 г.) до формирования летописного свода 1518 г.¹⁰⁶ Мотивы составления чина в новой редакции в это время исследователь, однако, не устанавливает. Н. В. Сеницына, относя С ко времени около 1498 г.¹⁰⁷, не обосновывает возможность столь точной датировки. Однако и при большей осторожности редактирование чина можно отнести к концу XV — началу XVI в. Скучные сведения о периоде 1498–1502 гг. не позволяют делать однозначных выводов о положении Дмитрия-внука в эти годы¹⁰⁸. Интересно, что митрополит Симон 6 февраля 1501 г. дал вкладом в Троице-Сергиев монастырь толковый Апостол, — как сказано во вкладной записи, «в лето 7009 при самодержце всея Русския земля, при благоверном и христоролюбивом и богоизбранном великом князе Дмитрие Ивановиче в третье лето царства его...»¹⁰⁹. Иван III здесь не упомянут. Вклад, вероятно, дан в связи с третьей годовщиной «царства» Дмитрия-внука (4 февраля). В это время, возможно, при митрополичьей кафедре производилась и обработка чина поставления Дмитрия.

Как подчеркивает Н. В. Сеницына, только в П сохранилось упоминание о пожаловании внука четырьмя княжествами, включая Тверское¹¹⁰. В С Иван III говорит о пожаловании Дмитрия лишь Владимирским и Новгородским княжеством, в Ч — только Московским и Владимирским, но в заключительной части С и Ч сказано о поставлении Дмитрия на великое княжество Владимирское, Московское, Новгородское и «всеа Руси». Очевидно, первым исчезло упоминание Твери; затем начинаются колебания в отношении Московского княжения и Новгорода (последним в 1499 г. пожалован Василий Иванович). Существование с 1499 г. двух великих князей, Дмитрия и Василия, при старшем третьем требовало, может быть, разделения не только реальных прав, но и титула. Не

¹⁰⁵ ПСРЛ, т. 6, с. 241–242; т. 8, с. 235; т. 12, с. 247; т. 20, ч. 1, с. 366–367; т. 28, с. 330–331; Иоасафовская летопись. М., 1957, с. 136; Продолжение ДРВ. СПб., 1788, ч. 4, с. 217, 219; СГД. М., 1819, ч. 2, с. 28.

¹⁰⁶ И. А. Тихонюк. Чин поставления..., с. 605–606.

¹⁰⁷ Н. В. Сеницына. О происхождении понятия..., с. 194.

¹⁰⁸ Ср. А. А. Зимин. Россия на рубеже XV–XVI ст. М., 1982, с. 163, 198; С. М. Кауштанов. Социально-политическая история..., с. 96; J. Fennell. Ivan the Great..., p. 340; P. Nitsche. Grossfürst..., S. 162–163 и др.

¹⁰⁹ Леонид, архим. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. М., 1887, вып. 2, с. 26.

¹¹⁰ Н. В. Сеницына. О происхождении понятия..., с. 192.

исключено, что в эти годы замышлялось поставление Василия. Возможно, упоминание в С только Владимирского и Новгородского княжеств указывает на титул, которым Иван III предполагал наделить Василия при короновании. Редакция С в таком случае могла служить образцом чина, который следовало бы использовать при подготовке к поставлению Василия, а искажение титула, с которым на деле был венчан Дмитрий, не имело бы значения.

Редакция Ч, как показала Н. В. Сеницына, является вторичной по отношению к С и, вероятно, явилась в результате переработки последней. Но не существует чтений, которые, будучи общими для Ч и П, отличались бы от С, так что неясно, почему Н. В. Сеницына считает Ч «вторичной» по отношению к П¹¹¹: нет основания полагать, что Ч и П как-то связаны друг с другом.

Связывая создание Л с работой над летописным сводом 1518 г., И. А. Тихонюк и Н. В. Сеницына датируют эту редакцию временем составления данного свода¹¹². Предполагаемое нами более раннее возникновение первоначального текста Л, где говорится о венчании Дмитрия шапкой Мономаха, возможно, относится ко времени, когда выражение «бармы Манамаховы» было внесено в летописный свод, который Я. С. Лурье датировал 1500 г.¹¹³ Н. В. Сеницына придает значение тому, что в выделяемом Я. С. Лурье своде 1500 г. в отличие от Л. происхождение от Мономаха приписывается не шапке, а бармам¹¹⁴. Однако в словах летописи «возложиша на него бармы Манамаховы и шапку»¹¹⁵ определение «Манамаховы» может относиться не только к бармам, но и к шапке¹¹⁶. Как С, так и Л возникли предположительно в 1499–1502 гг. Сравнение текстов поучения Ивана III в П и Л (в С этого поучения нет) наводит на мысль, что в Л исключены из поучения важные для престижа Дмитрия подробности: именование его великим князем (столь значительное в устах самого деда), а не просто «внуком», и указание на пожалование государем Дмитрию великого княжения «при себе и опосле себя»¹¹⁷. В Л в отличие от П и С опущены в речи к митрополиту слова Ивана III о том, что и его самого отец при своей жизни благословил великим княжением (дополнительный довод в пользу наследования по воле старшего великого князя)¹¹⁸. Составители Л как будто не желали слишком подчеркивать роль и

¹¹¹ Н. В. Сеницына. О происхождении понятия..., с. 193, 195.

¹¹² Там же, с. 195; И. А. Тихонюк. Чин поставления..., с. 606–607.

¹¹³ Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976, с. 253–254.

¹¹⁴ Н. В. Сеницына. О происхождении понятия..., с. 195–196.

¹¹⁵ ПСРЛ, т. 4, ч. 1, с. 53; т. 6, с. 279; т. 12, с. 263.

¹¹⁶ Уже в самом раннем варианте рассказа о дарах Мономаха — Послании Спиридона-Саввы — говорилось о присылке царского венца (Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955, с. 109, 164).

¹¹⁷ ПСРЛ, т. 6, с. 242; т. 8, с. 236; т. 12, с. 248; т. 20, ч. 1, с. 368; т. 28, с. 331; Иоасафовская летопись. М., 1957, с. 137; Продолжение ДРВ, СПб., 1788, ч. 4, с. 221–222; СГГД. М., 1819, ч. 2, с. 29. Ср.: ЛЗАК. 1864, СПб., 1865, вып. 3, Приложения, с. 10; РФА. М., 1987, вып. 3, с. 612.

¹¹⁸ ПСРЛ, т. 6, с. 241; т. 8, с. 235; т. 12, с. 246; т. 20, ч. 1, с. 366; т. 28, с. 330; Иоасафовская летопись. М., 1957, с. 135; Продолжение ДРВ, СПб., 1788, ч. 4, с. 217; СГГД. М., 1819, ч. 2, с. 28. Ср.: ЛЗАК. 1864, СПб., 1865, вып. 3, Приложения, с. 7, 13–14; ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 33; РФА. М., 1987, вып. 3, с. 609, 615.

значение Дмитрия. Эта тенденция позволяет допустить, что Л возникла несколько позднее С или, вернее, в момент неблагоприятия Ивана III к внуку в те же 1499–1502 гг. (до опалы).

Приведенные текстологические наблюдения помогают лучше представить чин 1498 г. в контексте государственной жизни Москвы конца XV — начала XVI в. Обратимся к вопросу об общем значении коронации Дмитрия. В. И. Савва правильно полагал, что обряды венчания государей показывают нам исповедовавших христианскую веру русских правителей, а не императоров, стремившихся к обладанию всем христианским Востоком¹¹⁹. Поддерживающийся противоположного мнения У. Медлин приводит в подтверждение своей точки зрения слова митрополита Симона, призывающего Дмитрия «иметь попечение от сердца о всем православном христианстве»¹²⁰. Это выражение буквально понимает и П. Ниче¹²¹. На наш взгляд, обращаясь к великому князю «всера Руси», митрополит имел в виду не все восточнохристианские народы, а подданных русского государя. В любом случае, придавать слишком большое значение слову «попечение» не стоит: речь могла идти о традиционной помощи великих князей христианам Востока, а вовсе не о подчинении последних Русскому государству.

В целом, мы не считаем, что в чине 1498 г. есть подтверждения тому, что русские хотели видеть в Москве новый центр «вечной империи». А. Л. Хорошкевич, напротив, находит в чине 1498 г. подтверждение своей мысли о том, что Ивана III, подобно южнославянским государям из родов Асеней и Неманичей, занимала идея наследовать «вселенское православное» царство: по мнению А. Л. Хорошкевич, даже текст чина венчания Дмитрия восходит к сербскому списку XIV в.¹²². Однако уже А. В. Горский обнаружил, что русский чин основан на славянском переводе греческого текста из рукописи Син. 675. Какого происхождения этот перевод — южно- или восточнославянского — судить трудно, считает П. Ниче¹²³. Характерных особенностей именно сербского извода текст не имеет: не знает почти исключительного употребления «ь» вместо «ъ», смещения «ы» и «и», использования «юсов» вместо «оу» и «е», форм типа «цара» и др.¹²⁴ Вместе с тем, существовал список, в котором перевод того же византийского последования имеет черты несомненно сербского происхождения. Ряд разночтений этого списка с Син. 675, приведенных Е. В. Барсовым, показывает, что не этот сербский список лег в основу русского чина:

¹¹⁹ В. И. Савва. Московские цари..., с. 156–157.

¹²⁰ W. Medlin. Moscow and East Rome, p. 179.

¹²¹ P. Nitsche. Grossfürst..., S. 141.

¹²² А. Л. Хорошкевич. Русско-славянские связи..., с. 410–420; Она же. История государственно-сти в публицике..., с. 117–118.

¹²³ P. Nitsche. Grossfürst..., S. 141–142.

¹²⁴ Ср.: А. А. Майков. История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историей народа. М., 1857, с. 352–353; Е. Ф. Карский. Славяно-кирилловская палеография. М., 1979, с. 318–319.

Чин поставления византийского императора по Син. 675	Тот же чин по сербскому списку	Редакция С чина 1498 г.
И тьму преклоньшу главу...	Пръвосвященник прекланяе его главу...	И поставляемому преклоншу главу...
Иже Самуилом пророком избрав раба Своего Давыда...	Иже Самуила пророка избравъ и раба Своего Давида...	Иже Самуилом пророком избравъ раба Своего Давида...
еже благоволил еси въздвигнути царе в языке Твоем святом...	егоже благоизволи въставити цара над людми Твоими святыми...	...еже благоволил еси въздвигнути царе в языке Твоем святом...
елеом возрадования одеи...	маслом радости облеци...	елеом възрадования одеи...
положи...	постави...	положи...
всеоружством...	силою...	всеоружьством...
утверди...	укрепи...	утверди...
и еже к послушным милостивное...	[после этих слов добавлено:] и къ съгрешающимъ прощение...	[указанного прибавления нет]
опасна...	тврѣда...	опасна...
святыя Твоя сборныя Церкви велениях...	святеи Твоеи и съборнеи Церкви правило...	святыя Твоя съборныя Церкви велениях...
и наследник будет...	и достоинь будет...	и наследникъ будеть...
иже земное царство Тобою въверенны... ¹²⁵	иже земельное царство от Тебе приемлеть... ¹²⁶	иже земное царство Тобою въверенны... ¹²⁷

Итак, чин поставления Дмитрия, прибавив к византийской основе обряда подсказанные современной русской политической теорией «старины» дополнения, внес в церковный чин момент светской инвеституры в его мест-

¹²⁵ ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 25–28.

¹²⁶ Там же, с. 25–29.

¹²⁷ РФА. М., 1987, вып. 3, с. 616–617.

ной форме. Работа над текстом источника, которая берет начало с не дошедшего до нас чина, составленного непосредственно перед поставлением Дмитрия, привела к созданию трех новых редакций. Назначением их было осведомление о совершившемся поставлении. Вероятно, эти редакции возникли в 1498–1502 гг., т. е. в то время, когда Иван III колебался, не решившись еще отдать предпочтение одному возможному наследнику перед другим. *Позднейшая Чудовская редакция не внесла в текст чина ничего принципиально нового.* Отметим, что наблюдение над трудами по созданию первого в России чина великокняжеского поставления дает важный материал для суждений о всей традиции составления подобных документов в XVI–XVII вв.